

И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ беспорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ кошке на скаку

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, кара-
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ. [ванъ;
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы неожиданныхъ гостей,
И щедро поить ихъ студеныи ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Видѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ—
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ просить—
Его лишь песокъ раскаленный заносить,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдитъ,
Добычу терзаеъ и щиплетъ надъ нимъ.

Моли т в а .

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Д а р ы Т е р е к а .

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачь его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:

«Разступись, о старецъ-море,
Дай приютъ моей волнѣ!
Погуляя я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.

Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Разорилъ родной Дарьялъ,
И валуновъ имъ, на славу,
Стадо цѣлое пригналъ.»

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:

«Я привезъ тебѣ гостиницы!
То гостиницы не простой:
Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.

Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
Въ налкотникахъ стальныхъ:
Изъ корана стихъ священныи
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
И усомъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взоръ открытый, безответный,
Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завитый
Вьется черною космой.

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ;
И, волнуясь, буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:

«Слушай, дядя: даръ безцѣнный!
Что другіе всѣ дары?

Но его отъ всей вселенной
Я тайлъ до сей поры.
Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трутъ казачки молодой,
Съ темно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой.
Грустенъ лигъ ея туманныи,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
По красоткѣ-молодичѣ
Не тоскуеъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.

Остѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого
Сложить голову свою.»

Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаясь, всплыла.

И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій какъ гроза,
И одѣлся влагой страсти
Темно-синіе глаза.

Онъ выигралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.